

УДК 821.161.09.14"8"-155

ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ 1810-Х ГОДОВ: ОБРАЗЦЫ И ИСТОЧНИКИ

Елена Владимировна Богданович

аспирант

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4. helenbogdanovich@mail.ru

В статье рассматриваются западноевропейские источники русского дружеского послания 1810-х гг. Анализируются мотивные и тематические связи послания К.Н.Батюшкова «Мои пенаты» и ряда родственных ему текстов с посланием «Обитель» Ж.-Б.-Л.Грессе, стихотворением «К моим пенатам» Ж.-Ф.Дюси, посланием Н.Буало «К Ламуаньону», гораціанской и анакреонтической традицией. Известные источники рассмотрены пристальнее, чем это делалось до сих пор. Сопоставительный мотивный анализ позволил уточнить генезис поэтических высказываний, одновременно акцентировать смысловые сдвиги, которые произошли на русской почве, и проследить трансформацию мотивов внутри собственно русской традиции.

Ключевые слова: русская литература; жанр послания; источники; жанровый образец; 1810-е годы; дружеское послание.

Дружеское послание является наиболее известной и изученной жанровой разновидностью посланий начала XIX в. (см., например: [Грехнев 1994; Виролайнен 2003; Кузнецов 2001; Маркин 1990; Поплавская 1994; Рябий 1988; Чубукова 1984]). Между тем, описывая своеобразие его поэтики, исследователи часто оставляют без внимания жанровые образцы, к которым восходят многие ключевые для дружеского послания мотивы и тематические комплексы. Анализу этих литературных связей посвящена настоящая статья.

Отправной точкой в развитии русского гедонистического послания считается стихотворение К.Н.Батюшкова «Мои пенаты» (1811–1812), аккумулирующее в себе основные мотивы и композиционные схемы, которые будут затем варьироваться в ряде последовавших за ним текстов. Известны два французских источника этого послания: «Обитель» Ж.-Б.-Л.Грессе (J.-B.-L. Gresset «La Chartreuse», 1734) и «К моим пенатам» Ж.-Ф.Дюси (Jean-François Ducis «A mes Rénates»). Комментаторы указывают на то, что Батюшков заимствует у Дюси форму обращения к пенатам, а у Грессе – противопоставление сельского уединения и городской суеты, а также прием перечисления любимых авторов со сценой явления теней писателей (см.: [Майков 1887:

351–352; Благой 1934: 490; Семенко 1977б: 552]). Пристальное рассмотрение этих текстов позволяет выявить и ряд других точек пересечения.

Стихотворение Дюси «К моим пенатам» построено как обращение к домашним богам с просьбой оградить скромную обитель поэта от непрошенных гостей: тщеславных богачей, лицемеров и глупцов – и сохранить в доме добродетель. И.М.Семенко, сопоставляя текст Батюшкова с этим источником, отмечала, что домашние божества у Дюси являются лишь «пассивными адресатами», в то время как в «Моих пенатах» они наделены достаточно подробной характеристикой [Семенко 1977а: 451]. Можно добавить, что в обоих текстах присутствует мотив приношения даров домашним богам, и у Дюси эти дары материальны (вино, мед, молоко), в отличие от метафорических «сладких песнопений» [Батюшков 1964: 134] в «Моих пенатах». Батюшков, вслед за Дюси, включает в свое послание просьбы, адресованные пенатам. Одна из таких просьб, содержащихся во французском источнике, выглядит следующим образом:

*Mes vœux sont courts: les voici tous:
Qu'un peu d'aisance entre chez nous;
Que jamais la vertu n'en sorte.
... Mais qu'un sot vienne à m'apparaître,
Exaucez ma prière, ô dieux!*

Fermez vite et porte et fenêtre!
Après m'avoir sauvé du traître,
Défendez-moi de l'ennuyeux!
 [Ducis 1818: 50–51]

(Перевод: Мои желания скромны: вот они все: чтобы в наш дом пришел небольшой достаток, чтобы его никогда не покидала добродетель... Но если глупец захочет приблизиться ко мне, внемлите моей молитве, о боги: быстро закройте и дверь, и окно! Защитив меня от предателя, оградите меня от докучного посетителя!¹⁾ В «Моих пенатах» просьбы несколько иные, но надежда на то, что домашние боги создадут надежную ограду вокруг хижины поэта, выражена и здесь:

Отеческие богу!
Да к хижине моей
Не сыщут ввек дороги
Богатство с суетой...
 [Батюшков 1964: 135]
... А вы, смиренной хаты
О лары и пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И негу и покой!
 [там же: 139]

Этот мотив станет в дружеском послании сквозным. Но можно заметить, что, переходя из текста в текст, мотив оформляется с большей, чем в «Моих пенатах», близостью к французскому источнику: именно к нему восходит повторяющийся образ распахнутых или закрытых дверей. В послании В.А.Жуковского «К Батюшкову» (1812) дверь замкнута на замок перед Фортуной, «*Но если залетит / Веселый род вертлявый – / Дверь настезь, милый друг*» [Жуковский 1999: 195]. Герой пушкинского послания «Городок» (1815) «*уж вытолкал за дверь / Заботы и печали*» [Пушкин 1999: 88], подобный образ включен и в послание «К Пушину» (1815):

Не видишь у порога
Толпящихся забот;
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот.
 [Пушкин 1999: 115]

П.А.Вяземский в послании «К Батюшкову» (1816) несколько видоизменяет тот же мотив: у дверей адресата нет «*привратника горделивого*» [Вяземский 1986: 96], который впускает скуку и отказывает веселости.

Мотив открытых или закрытых дверей вводит в дружеское послание демонстрацию избранной поэтом иерархии ценностей: это прежде всего отказ от светской жизни, богатства и славы в пользу беззаботного уединения. За подобной программой стоит гораццианский комплекс мотивов, к которому обращались еще в XVIII в. поэты

кружка Хераскова и Державин. Одним из европейских источников гораццианства явилось для Батюшкова послание Грессе «Обитель».

Во французском тексте поэт сетует на судьбу, по воле которой оказался в убогой обстановке, вдали от друзей; но в то же время это уединение оказывается спасением от светской фальши и местом, где можно предаваться философской праздности. Образ воспетой в русском дружеском послании уединенной «убогой хижины» восходит к «Обители». В послании Грессе жилище поэта пригодно скорее для птиц, нежели для человека, в нем не сделать и шести шагов.

Une table mi-démembrée
Près du plus humble des grabats;
Six brins de paille délabrée,
Tressés sur deux vieux échalas:
Voilà les meubles délicats
Dont ma Chartreuse est décorée...
 [Gresset 1780: 57]

(Перевод: Наполовину разрушившийся стол рядом с самым убогим ложем; шесть прутьев из ветхой соломы, переплетенные на двух старых подпорках: вот изысканная мебель, которой обставлена моя обитель...)

Отсюда в дружеское послание попадает «*стол ветхий и треногий*» [Батюшков 1964: 135], «*шаткий стол*» [Жуковский 1999: 186], «*столлик воцаной*» [Пушкин 1999: 114], «*жесткая постель*» [Батюшков 1964: 135]. Однако в русских тестах радикально меняется, по замечанию В.Э.Вацура, оценочный план описания: в оригинале наблюдается «ирония, доходящая до сарказма» [Вацура 1999: 152], в то время как в «Моих пенатах» бедность – сознательный выбор героя, показатель его презрения к роскоши:

Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..
 [Батюшков 1964: 135]

Однако и у Грессе, несмотря на неприятие бедности, присутствует подобный поворот:

...qu'un bonheur véritable
Ne dépendit jamais des lieux ;
Que le Palais le plus pompeux
Souvent renferme un miserable ,
Et qu'un désert peut être aimable ,
Pour quiconque sait être heureux.
De ce Caucase inhabitable
Je me fais l'Olympe des Dieux.
 [Gresset 1780: 58–59]

(Перевод: ...что истинное счастье никогда не зависит от места; что в самом пышном дворце часто скрывается несчастный и что пустыня может быть приятной для того, кто умеет быть сча-

стливым. Этот необитаемый Кавказ я превратил в Олимп, населенный богами.)

В русском дружеском послании, вслед за Грессе, декларируется неприятие света, изображенного как сборище глупцов, невежд, тщеславных гордецов и мнимых поэтов. Как и у Грессе, эта характеристика содержит в себе элементы сатиры. Единственным способом спастись от этого мира оказывается уединение, где поэт чувствует себя свободным и постигает истинное блаженство («*l'entière béatitude*» [Gresset 1780: 62]):

*Heureux! qui dans la paix secrète
D'une libre & sûre retraite
Vit ignoré, content de peu,
Et qui ne se voit point sans cesse
Jouet de l'aveugle Déesse,
Ou dupe de l'aveugle Dieu!*
[ibid: 68]

(Перевод: Блажен! кто в тайной тишине свободного и надежного уединения живет в безвестности, довольствуется малым и не чувствует себя постоянно игрушкой слепой богини или одуроченным слепым богом!)

Заметим, что отказ быть игрушкой в руках судьбы попадает в дружеское послание с тем же формульным обозначением Фортуны как «слепой богини»: «*Богинею слепую / Забыт я от пелен*» [Батюшков 1964: 137], «*перед слепую / Богинею покою / Не тратит своего*» [Жуковский 1999: 192], «*И не заманит сеть / Меня слепой богини!*» [Вяземский 1986: 99].

Приведенный отрывок из Грессе напрямую отсылает к гораццианской традиции с ее идеалом умеренной жизни и «золотой середины»² («*augea mediocritas*» из оды II, 10), на что указывает также и сочетание «блажен, кто...», восходящее к гораццианскому «*beatus ille*» из второго эпода.

Еще одним посредником в восприятии гораццианства стало для русской литературы VI послание Н.Буало «К Ламуаньону» (о прелестях деревни) (см.: [Песков 1989: 86]). Оно варьирует тему сатиры II, 6 Горация, но по своим мотивам гораздо ближе к русским текстам, чем античный источник. В послании Буало деревня – это убежище от тягот жизни, где постигается истинное спокойствие духа:

*C'est-là, cher Lamoignon, que mon esprit tranquille
met à profit les jours que la parque me file.
Ici dans un vallon bornant tous mes desirs,
j'achète à peu de frais de solides plaisirs.
Tantôt, un livre en main, errant dans les prairies,
j'occupe ma raison d'utiles rêveries.*
[Boileau 1825: 241]

(Перевод: Здесь, дорогой Ламуаньон, мой успокоенный дух употребляет с пользой дни, кото-

рые прядет мне парка. Здесь в небольшой долине, за пределы которой не устремляются мои желания, мне не приходится дорого платить за настоящие удовольствия. Временами, с книгой в руке, бродя по лугам, занимаю свой разум полезными мечтами.)

Текст начинается пейзажем, в котором можно увидеть черты, знакомые по русским посланиям начала XIX в.: ряд холмов, поля, в дали которых теряется взгляд; река у подножия, простые жилища. Украшения досуга в этом уголке – чтение, поэзия, рыбная ловля, охота, простая сельская еда. Именно здесь поэта посещает Муза, которая нуждается в тиши лесов.

У Батюшкова тема деревни дана без развернутых описаний («*И все любовью дышит/ Среди полей моих*», «*Пускай в стране безвестной, / В тени лесов густых...*», «*Мне мил шалаш простой*» [Батюшков 1964: 137]), однако она прочно войдет в мир дружеского послания 1810–1820-х гг. Деревенский пейзаж с полями, ручьем является общим местом для ряда дружеских посланий и представляет собой некий идеальный топос (см. об этом: [Мовнина 2000]), идиллический *locus amoenus* (см.: [Магомедова 1999: 7]).

В «Моих пенатах» основные жизненные ценности представлены через ряд сменяющихся картин, описывающих времяпрепровождение поэта, – беседа со старым воином³, встречи с любимой, минуты вдохновения, беседы с тенями любимых певцов, дружеские пирушки. Несомненно, здесь присутствует влияние и такого значимого для русской гораццианской традиции текста Г.Р.Державина, как «Евгению. Жизнь Званская» (1807), где все прелести сельской жизни представлены как зримые картины дел и удовольствий, которыми наполнены легкие будни на лоне природы⁴.

Важно отметить одно существенное отличие художественного мира дружеского послания начала XIX в. от его источников. У Горация, Буало, Грессе, Державина спокойная жизнь в умеренности связывалась с уходом от светских дел человека, уже достаточно сделавшего и пожившего. Две книги посланий Горация изначально задумывались как заключительный аккорд творчества поэта, и в них закономерно возникает мотив старости, а в связи с ней – желание оставить все мирские дела, включая поэзию, и заняться философией в деревне: «*Годы не те, и не те уже мысли <...> Вот почему и стихи, и другие забавы я бросил; / Истина в чем и добро, ищу я, лишь этим и занят*» [Гораций 1970: 321]; «*Если ж ты мне не велишь никуда отлучаться, то должен / Крепкое тело вернуть мне, и черные кудри над узким / Лбом, и приятную речь...*» [там же: 337]. У Буало мотив зрелости связывается с утратой

былых способностей («*Déjà moins plein de feu, pour animer ma voix, / J'ai besoin du silence et de l'ombre des bois*» [Voileau 1825: 245] (перевод: Уже не столь полный огня, способного одушевить мой голос, я нуждаюсь в тишине и тени лесов)), в послании Грессе герой тоже вовсе не юн («*J'allois racheter en silence / La perte de mes premiers jours*» [Gresset 1780: 52] (перевод: Я собирался искупить в тиши утрату моих ранних дней)), он отказывается писать для светской публики, опасаясь скорой утраты творческих сил («*Quand j'aurai passé mon printemps, / Pourrai-je vivre encore pour elle?*» [ibid: 66] (перевод: Когда пройдет моя весна, смогу ли я еще жить для нее [Поэзии?])). У Державина уединение в деревне – это стремление к покою «дней в останке» [Державин 1957: 326]. Между тем в дружеском послании Батюшкова и его современников отказ от светской жизни – это выбор прежде всего молодого человека и описываемый образ жизни – это способ проживания юности («*О друг! Доколе младость / С мечтами не ушла / И жизнь не отцвела, / Спеши любви радость / Невинную вкушать*» [Жуковский 1999: 198–199]).

В соответствии с этим в дружеское послание свободно входят эпикурейские мотивы. Создаваемый идеальный мир – это мир не только уединения, искренности и добродетели, но и любовных радостей, дружеских пиров. Здесь, безусловно, присутствует отзвук гораціанского «*carpe diem*» из оды I, 11. Этот мотив был широко распространен в текстах того времени, становясь иногда центральной темой послания (см., например, стихотворение Жуковского «К Делию» (1809), послания Баратынского «К-ву» («Любви веселой проповедник...», 1820 и «Живи смелей, товарищ мой...», 1820).

Заметим, что в дружеских гедонистических посланиях этот мотив необязательно был связан с отказом от светской жизни. В послании Вяземского «К Батюшкову» («Шумит по рощам ветр осенний...», 1817) устойчивые тематические комплексы дружеского послания трансформируются, накладываясь на биографический контекст: Батюшков уехал в Хантоново, и автор послания хочет вызвать своего адресата из деревенской глуши. Если «Мои пенаты» соединяли в один комплекс мотивы сельского уединения и гораціанско-анакреонтического *carpe diem*, то Вяземский в послании 1817 г. их противопоставляет. Он группирует такие ключевые для дружеского послания понятия, как наслаждения, любовь, пиры, творческое вдохновение, вокруг темы скоротечности жизни, но меняет ставший традиционным локус: уединенная жизнь в деревне отвергается как монашеское уединение, преждевременная старость. Это жизнь «вопреки при-

роды», а герой должен успеть насладиться жизнью в молодости:

*Пока еще у нас играет
Живой румянец на щеках
И радость с нами заседает
На шумных Вакховых пирах –
Не будем, вопреки природы
И гласу сердца вопреки,
Свои предупреждая годы,
Мы добиваться в старики!*
[Вяземский 1986: 106]

Подобная трансформация мотива сельского уединения была намечена Вяземским еще в «Послании к <Жуковскому> в деревню» (1808), написанном до «Моих пенатов». Целиком посвященное жизни в деревне и построенное на уже описанных мотивах, оно заканчивается характерным *pointe*:

*Поверь! И в городе возможно с счастьем
жить:*

Оно везде – умей его лишь находить!
[Вяземский 1986: 54]

В послании Жуковскому картины сельского уединения были вписаны в летний пейзаж, а уместность переезда в город связывалась с наступлением осени. Характерно, что в послании Батюшкову 1817 г. деревенский пейзаж изначально оказывался осенним, что нарушало ставшее традиционным для послания изображение жизни в деревне на фоне цветущей природы. Деревенская осень в послании служит метафорой преждевременной старости. Таким образом, послание актуализирует тему зрелости и ухода на покой в деревню, присутствующую у поэтов, явившихся источником гораціанства для Батюшкова.

В «Моих пенатах», помимо гораціанского влияния, также заметно и явное присутствие мотивов французской «легкой поэзии», например стихотворения Э.Парни «Моим друзьям» («*A mes amis*», 1778), призывающего петь и веселиться, продлевая минуты юности, а также эпикурейской лирики самого Батюшкова (см., например, «Веселый час», 1810 и его раннюю редакцию «Совет друзьям», 1806) и в целом русской анакреонтической традиции (об анакреонтике в «Моих пенатах» Батюшкова см. также: [Ионин 1989]). В послании «Мои пенаты» анакреонтические мотивы дополнены соответствующим стихотворным размером: летящий трехстопный ямб, который в поэзии XVIII в. был связан преимущественно с анакреонтикой (см. об этом: [Макогоненко 1987: 259–260]), у Батюшкова создавал атмосферу веселой беседы и впоследствии прочно закрепился за дружеским эпикурейским посланием (см. об этом: [Гаспаров 2000: 118–119]).

В послании Батюшкова герой находится в некоем идеальном мире, где можно свободно предаваться творчеству, любовным радостям и дружескому веселью. Это мир, где нет особой разницы между трудом и отдыхом, – мир, идеальный в том числе и в нравственном смысле, не допускающий в себя пороков. Наиболее значимые ценности в этом мире – поэзия, искренность, любовь и дружба (см. об этом также: [Грехнев 1994: 27–79]). Именно круг друзей, при этом друзей-поэтов, образует основу целостности этого особого пространства. Тематический комплекс «уголка», мира дружбы и поэзии становится неотделимой частью дружеского послания, своеобразным мотивным ядром этой жанровой разновидности.

Одним из источников представления о дружеском союзе, противопоставленном лицемерному свету, опять-таки является «Обитель» Грессе. Во французском стихотворении создается проект «маленькой Республики», в которой будут править дружба, искренность и игра:

*Dans une charmante pratique
Nous réaliserons enfin
Cette petite République
Si long-temps projetée en vain.
Une Divinité commode,
L'Amitié, sans bruit, sans éclat,
Fondera ce nouvel Etat:
La Franchise en sera le Code,
Les Jeux en seront le Sénat
... La Raison, quittant son ton rude,
Prendra le ton du sentiment.
La Vertu n'y sera point prude,
L'esprit n'y sera point pedant...*
[Gresset 1780: 74–75]

(Перевод: В очаровательном воплощении мы реализуем наконец идею этой маленькой Республики, так долго и тщетно проектируемую. Нестрогое божество, Дружба, без шума, без блеска создаст это новое государство: Искренность будет там Законом, Игры будут там Сенатом ... Рассудок, оставив свой грубый тон, примет тон чувства. В Добродетели не останется никакого ханжества, в рассудке – никакого педантизма...)

Именно из «Обители» Грессе приходит в русскую литературу представление об особом мире дружбы, искренности, круге единомышленников, который помогает человеку сохранить себя вдали от общества⁵. Этот смысловой комплекс заимствуется вместе с лексемой, его обозначающей, – «уголок». «Счастливым уголок мира» («*heureux coin du monde*» [Gresset 1780: 75]) превращается в дружеских посланиях в «*смиранный уголок*» [Батюшков 1964: 135], «*укромный уголок*» [Пушкин 1999: 89], «*мирный уголок*» [Пушкин 1999: 156], «*от судьбины... уголок*» [Жуков-

ский 1999: 193]⁶. В более поздних посланиях этот мотив будет несколько видоизменяться, часто в связи с конкретной жизненной основой. В послании Баратынского «Дельвигу» («Дай руку мне, товарищ добрый мой...», 1822) слова-сигналы, традиционные для дружеского эпикурейского послания («уголок», «фортуна слепая») приобретают несколько новый оттенок: в «уголке» невозможно укрыться от ударов судьбы, но дружба помогает встретить их без страха:

*Дай руку мне, товарищ добрый мой,
Путем одним дойдем до двери гроба
И тщетно нам за грозною бедой
Беду грозней пошлет судьбины злоба.
Ты помнишь ли, в какой печальный срок
Впервые ты узнал мой уголок?
Ты помнишь ли, с какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный сил?
Я погибал: ты дух мой оживил...
... Забытые фортуною слепой,
Мы ей назло друг в друге все имели
И, дружества твердя обет святой,
Бестрепетно в глаза судьбе глядели.*
[Баратынский 2002: 274]

Из Грессе в дружеское послание приходит также представление о философской лени («*sage indolence*» [Gresset 1780: 52] (перевод: мудрая праздность), «*philosophiques loisirs*» [ibid: 76] (перевод: философские досуги)). Ленивый мудрец становится устойчивым типажом: «*философы-ленивцы*» [Батюшков 1964: 139], «*философ ленивый*» [Пушкин 1999: 88], «*мудрец ленивый*» [там же: 109], «*ленивец*» [там же: 123]. При этом, по сравнению с Грессе, у которого лень была лишь результатом ухода от светских дел, в русских текстах мотив несколько углубляется и приобретает черты мировоззренческой установки. По замечанию В.А.Грехнева, «ленивец» в дружеских посланиях пушкинской поры был своеобразной антитезой классицистическому образу трудолюбивого «певца», «пчелы»: поэт-ленивец творит как гений, по велению музыки, а лень – спутница беспечности, спокойствия и свободы, необходимых условий творчества [Грехнев 1994: 40–45].

У Грессе поэт готов жить в «маленькой Республике» до самой смерти, до того момента, когда парка унесет в своей ладье игры, радости и сердца друзей. И.М.Семенко отмечала в связи с этим эпизодом большую рельефность образа парок у Батюшкова, его близость к мифологическим представлениям [Семенко 1977а: 450]. Однако невозможно оставить без внимания и сам мотив смерти в «уголке», среди друзей. В «Моих пенатах» Батюшкова друзья сопровождают похороны праздничным шествием:

Когда же парк тощи

*Нить жизни допрядут,
И нас в обитель ноци
Ко прадедам снесут, –
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас...
...но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
С листьями повиллик;
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливец молодых!*
[Батюшков 1964: 141]

Это одна из вариаций темы легкой смерти среди друзей и смерти на пиру, ставшей ключевой для дружеского послания (см. об этом: [Вацуро 1994: 100]) («Для вас хочу и с вами / Я жить и умереть!» [там же: 99], «С надеждой, с утешеньем / Я встречу смерти сон» [там же: 87], «Когда же смерть нам в дверь заглянет / Звать в заточение свое, / Пусть лучше на пиру застанет, / Чем мертвыми и до нее» [Вяземский 1986: 106], «И пусть умрем мы оба / При стуже полных чаш!» [Пушкин 1999: 115]). Мотив пира и смерти на пиру, как показала М.Н.Виролайнен, получает разные интерпретации в поэтических системах авторов посланий: от пира, продолжающегося за пределы смерти, у Батюшкова до пира как способа забыть о неизбежности смерти у Жуковского [Виролайнен 2003].

Дружеское гедонистическое послание 1810-х гг. было ориентировано на создание особого мира, «уголка», доступного лишь для круга избранных друзей. В отличие от Грессе, в послании которого «маленькая Республика» – только проект, в гедонистическом послании она – идеал, воплощенный в рамках художественного сюжета. Одновременно это было и проявление «хоровой идеологии» [Грехнев 1994: 55], декларирование неких общих для дружеского круга ценностей, равно значимых как для отправителя послания, так и для его адресата.

Примечания

¹ Перевод французского текста здесь и далее мой. – Е.Б.

² Мотив «посредственности золотой» – варианта перевода «*aurea mediocritas*» – один из устойчивых в дружеском послании 1810-х гг.: «Посредственность – Харита» [Жуковский 1999:

191], «посредственность золотая» [Вяземский 1986: 96].

³ Образ калеки-воина в «Моих пенатах» Батюшкова заимствован у Дюси (см.: [Майков 1887: 352]). В пушкинском «Городке» он трансформируется в фигуру соседа – отставного майора.

⁴ Поэтика стихотворения Державина «Евгению. Жизнь Званская» повлияла и на другие послания начала XIX в. О следах ее в пушкинском «Городке» и «Послании к Юдину» см.: [Макогоненко 1987: 288–289].

⁵ Образ «дружеской республики» в частной переписке поэтов 1810-х гг. также, вероятно, содержит следы этого литературного влияния. В феврале 1814 г. Жуковский пишет в письме Воейкову: «Не заводя партий, мы должны быть стеснены в маленький кружок: Вяземский, Батюшков, я, ты, Уваров, Плещеев, Тургенев должны быть под одним знаменем: простоты и здравого вкуса. Забыл важного и весьма важного человека: Дашкова. Обними его за меня по-братски. Министрами просвещения в нашей республике пусть будут Карамзин и Дмитриев, а папою нашим Филарет. <...> Брат, брат! вообрази нашу Суринамскую жизнь, вообрази наш тесный союз, наше спокойствие, основанное на душевной тишине и озаренное душевными радостями...» [Арзамас 1994: 220]. А.Л.Зорин усматривал здесь элементы мистических масонских представлений о союзе понимающих душ [Зорин 2004: 284–285]. Однако нельзя отрицать и возможность некоторой ориентации на образ «маленькой Республики» Грессе.

⁶ У Жуковского, однако, уединение в поэтической обители – это скорее не бегство от света и его пороков, а спасение от ударов судьбы в мире творчества. Возможность счастья поэта в земном мире определяется у Жуковского его способностью творить. Именно она приближает поэта к блаженству, а не какие-либо внешние условия («В ком искра вдохновенья / С огнем души зажглась: / Тот верный от судьбины / Найдет здесь уголок» [Жуковский 1999: 193]).

Список литературы

Арзамас: в сб.: в 2 кн. Кн. 1: Мемуарные свидетельства; Накануне «Арзамаса»; Арзамасские документы. М.: Худож. лит., 1994. 606 с.

Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.В.Фридмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 353 с. (Библиографическая поэма. Большая серия).

Благой Д.Д. Комментарии // Батюшков К.Н. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. С.433–603.

- Боратынский Е.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 4 т. Т.1: Стихотворения 1818–1822 гг. / ред. А.Р.Зарецкий, А.М.Песков, И.А.Пильщиков. М.: Языки славянской культуры, 2002. 512 с.
- Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа» / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: Наука, 1994. 240 с.
- Вацуро В.Э.* Продолжение спора (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я») // Звезда (СПб.). 1999. № 6. С.142–159.
- Виролайнен М.Н.* Две чаши (Мотив пира в дружеском послании 1810-х гг.) // Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. С.291–311.
- Вяземский П.А.* Стихотворения / вступ. ст. Л.Я.Гинзбург; сост., подг. текста и примеч. К.А.Купман. Л.: Сов. писатель, 1986. 544 с. (Библиока поэта. Большая сер.).
- Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М.: Фортун Лимитед, 2000. 352 с.
- Гораций Квинт Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания / пер. с латин; ред. переводов, вступ. ст. и комментарии М.Гаспарова. М.: Худож. лит., 1970. 480 с.
- Грехнев В.А.* Мир пушкинской лирики. Нижн. Новгород, 1994. 464 с.
- Державин Г.Р.* Стихотворения / вступ. ст., подг. и общ. ред. Д.Д.Благого; прим. В.А.Западова. Л.: Сов. писатель, 1957. 472 с. (Библиока поэта. Большая сер.).
- Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / редкол. И.А.Айзикова, Э.М.Жилякова, Ф.З.Канунова, О.Б.Лебедева, И.А.Поплавская, Н.Е.Разумова, Н.Б.Реморова, Н.В.Серебренников, А.С.Янушкевич (гл. ред.). Т.1: Стихотворения 1797–1814 гг. / ред. О.Б.Лебедева и А.С.Янушкевич. М.: Языки рус. культуры, 1999. 760 с.
- Зорин А.* Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: Новое лит. обозр., 2004. 416 с.
- Ионин Г.Н.* Анакреонтика К.Н.Батюшкова и Г.Р.Державина // Венок поэту: Жизнь и творчество К.Н.Батюшкова / под ред. В.В.Гуры. Вологда: Изд-во Вологод. пед. ин-та, 1989. С.15–27.
- Кузнецов П.В.* Жанр послания в русской лирике 1800-х – 1810-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 21 с.
- Магомедова Д.М.* Идиллический мир в жанрах послания и элегии // Болдинские чтения. Нижн. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1999. С.5–12.
- Майков Л.Н., Саитов В.И.* Примечания // Батюшков К.Н. Соч.: в 3 т. Т.1: П.Н.Батюшков. СПб., 1887. С.299–441.
- Макогоненко Г.П.* Анакреонтика Державина и ее место в поэзии начала XIX в. // Державин Г.Р. Анакреонтические песни. М.: Наука, 1987. С.251–295. (Лит. памятники).
- Маркин А.В.* Дружеское послание 1780–1820-х гг. и традиции Анакреона и Горация в русской литературе // Модификации художественных систем в историко-литературном процессе. Свердловск: УрГУ, 1990. С.18–26.
- Мовнина Н.С.* Идеальный топос русской поэзии конца XVIII – начала XIX в. // Рус. лит. 2000. № 3. С. 19–36.
- Песков А.М.* Буало в русской литературе XVIII – первой трети XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 173 с.
- Поплавская И.А.* Послание в творчестве поэтов пушкинского круга // Проблемы метода и жанра: сб. ст. Томск.: Изд-во Том. ун-та, 1994. Вып. 18. С.84–102.
- Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 : Лицейские стихотворения. 1813–1817 / ред. тома В.Э.Вацуро; тексты подг. и примеч. сост. В.Э.Вацуро, М.Н.Виролайнен, Е.О.Ларионова, Ю.Д.Левин, О.С.Муравьева, Н.Н.Петрунина, С.Б.Федотова, И.С.Чистова. СПб.: Наука, 1999. 840 с.
- Рябий И.Г.* Жанр дружеского послания в лирике Е.А.Баратынского // Развитие лирической поэзии и ее взаимодействие с прозой в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. М.: МОПИ, 1988. С.64–72.
- Семенко И.М.* Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / АН СССР; изд. подг. И.М.Семенко. М.: Наука, 1977а. С.433–492. (Лит. памятники).
- Семенко И.М.* Примечания // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / АН СССР; изд. подг. И.М.Семенко. М.: Наука, 1977б. С.493–595. (Лит. памятники).
- Чубукова Е.В.* Жанр послания в творчестве Пушкина-лицеиста // Рус. лит. 1984. № 1. С.198–209.
- Boileau Despréaux N.* Œuvres poétiques. Paris.: J.L.J.Brière, 1825. 480 p.
- Ducis J.F.* Œuvres de J.F.Ducis. T. 6. Poésies diverses. Paris: Nepveu, 1818. 218 p.
- Gresset J.B.* Œuvres de M.Gresset. T. 1. Londres, 1780. 320 p.

EPISTLE TO A FRIEND IN 1810S: LITERARY EXAMPLES AND SOURCES

Elena V. Bogdanovich

Post-graduate Student

The Institute of the Russian Literature at Russian Academy of Science

The article focuses on the West European literary sources of the Russian epistle to a friend in the 1810s. The author analyses poetic patterns and thematic correspondence between the epistle «My Penates» by K.N.Batyushkov together with similar texts by Russian poets and «La Chartreuse» by J.-B.-L.Gresset, «A mes Pénates» by Jean-François Ducis, « Epître VI. A Lamoignon» by Nicolas Boileau, as well as Horatian and Anacreontic traditions. The literary sources became an object of more close attention than ever before. Comparative analysis of poetic patterns made it possible to specify the genesis of certain poetic formulae as well as to accentuate the semantic changes which happened during their transition to the Russian literature and to trace the transformation of the adopted patterns within the Russian tradition.

Key words: Russian literature; the genre of epistle; literary sources; example of a genre; 1810s; epistle to a friend.